

18+

Геннадий Воловой

БАБИЙ ЯР — ОШИБКА ЕВТУШЕНКО

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Геннадий Воловой

**Бабий Яр — ошибка
Евтушенко. Новое прочтение**

«Издательские решения»

Воловой Г.

Бабий Яр — ошибка Евтушенко. Новое прочтение / Г. Воловой —
«Издательские решения»,

В свое время «Бабий Яр» вызвал шквал противоположенных мнений. В острую дискуссию вступил даже первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущёв. Тем не менее одним из самых спорных вопросов остается вопрос о «антисемитизме». Новый взгляд предполагает оспаривание включения в поэму данной темы, и предлагается другой взгляд, где в дискуссии с искусственным интеллектом ищется художественная истина.

© Воловой Г.

© Издательские решения

Содержание

Обсуждаем Бабий Яр — 1. Грубое или черное надгробье?	6
Обсуждаем Бабий Яр — 2 А если на кресте висел разбойник?	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Бабий Яр — ошибка Евтушенко Новое прочтение

Геннадий Воловой

© Геннадий Воловой, 2026

ISBN 978-5-0071-4203-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обсуждаем Бабий Яр — 1. Грубое или черное надгробье?

Давай разберем стих Евтушенко. Чтобы выявить его сильные и слабые места.

Алиса

Чтобы разобрать стихотворение Евтушенко и выделить его сильные и слабые стороны, нужно сначала знать, какое именно произведение вы имеете в виду — у поэта очень разный стиль: от гражданской лирики до интимных, почти дневниковых строк.

Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.

=====
===== (1.)

ЕМ

Разве это удачно найденный образ «Грубое надгробье», крутой обрыв можно так описать?..

Алиса

Да, образ «крутой обрыв, как грубое надгробье» в «Бабьем Яре» удачный. Работает на смысл. Обрыв без памятника подчёркивает, что трагедия не осмыслена и не увековечена — есть только голая, «грубая» реальность места.

Передаёт эмоцию. «Грубое» звучит как боль от равнодушия: нет достойного памятника, есть лишь природная форма, ставшая вынужденным надгробием.

В русле вашей оптики (связь с некрасовской болью).

Здесь нет красоты: образ жёсткий, почти документальный — он не украшает горе, а прямо его предъявляет, что близко к некрасовскому принципу показывать страдание без прикрас.

ЕМ

А если сказать вот так «Крутой обрыв, как ЧЕРНОЕ надгробье». Разве так не лучше будет?.. Уходит грубость, усиливается трагизм. Что скажешь.

Алиса

«Чёрное надгробье» звучит более символично и усиливает трагизм, но «грубое» у Евтушенко важнее: оно подчёркивает равнодушие, отсутствие достойного памятника — это не про эстетику, а про боль и неприкрытую правду, близкую к некрасовской традиции.

ЕМ

«Мне страшно.» — разве это не по детски звучит?.. Разве здесь это образ нужен?.. Может точнее была бы реакция взрослого человека, а не ребенка... «Мне тяжело...»

Алиса

«Мне страшно» — не детскость, а предельная искренность: страх тут — прямое, неотрешенное переживание ужаса перед трагедией. «Мне тяжело» звучало бы как сдержан-

ная констатация, а Евтушенко как раз снимает дистанцию и даёт чистую эмоцию — это и делает строку сильной.

ЕМ

Но под этой эмоцией мы чувствуем ужас, когда страх нападает на человека и он теряет контроль, находясь в этом страхе. Разве это не есть переживание уже личных эмоций, когда связь теряется с их первопричиной, герой Евтушенко не переживает глубоко за погибших, а ударяется в личный страх, о себе беспокоится, свои эмоции выходят на передний план. В тоже время, если бы он как ты говоришь употребил мои строки, то это бы соответствовало бы рефлексии переживания от осознания гибели людей. Что скажешь.

Алиса

«Мне страшно» у Евтушенко — не про эгоизм, а про слияние с трагедией: личный страх здесь — форма сопричастности, способ передать масштаб ужаса; «мне тяжело» дало бы отстранённую рефлексию, а поэт выбирает прямое, почти телесное переживание.

ЕМ

Какая же это отстраненная рефлексия, если это образ как раз глубоко прочувствованный, причем найденный уже гением поэзии Тютчевым.

«Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...» (2.)

Ты хочешь сказать, что слова «тяжело мне»... отражают отстраненную рефлексию, а не прямое переживание героем события?.. Ты действительно так считаешь?..

Алиса

У Тютчева «тяжело мне» — это глубокая, собранная, почти стоическая боль, она про внутреннее напряжение и усталость от страдания. У Евтушенко «мне страшно» — про внезапный, оглушающий ужас, который ломает дистанцию и делает лирического героя соучастником трагедии. Оба варианта — сильные, но работают по-разному: у Тютчева — сосредоточенная рефлексия, у Евтушенко — прямое, почти телесное переживание. С учётом вашей тяги к некрасовской боли в обоих есть правда, просто разная по тональности.

ЕМ

Я не могу с тобой согласиться, что у Евтушенко ужас переживания более острый, чем у Тютчева. Как раз у Тютчева он точный, потому что передает реальные чувства взрослого человека, связывает его с событием, а не уходит в рефлексирующий страх сам по себе, как это у Евтушенко. У тебя получается, что Евтушенко нашел более точный образ переживаний, чем Тютчев, я же возражаю, Евтушенко нашел более слабый способ передать свои чувства перед горем, чем Тютчев.

Алиса

Тут дело не в «слабее/сильнее», а в разной поэтике: Тютчев — про сосредоточенную, почти безмолвную боль взрослого, Евтушенко — про оглушающий, почти телесный ужас, который стирает дистанцию между поэтом и трагедией. Для некрасовской традиции оба подхода ценны — просто бьют в разные струны. Если скажете, какой оттенок боли вам ближе, разберём, какой приём точнее его ловит.

ЕМ

А разве у Бабьего Яра не уместней безмолвная боль взрослого Тютчева, чем оглушающий телесный ужас как у Евтушенко?.. Прошло много десятилетий. Евтушенко не участник событий, но он себя раскрывает так, как будто он сам пережил страдания бабьего яра, то есть он фальшивит в своем чувстве, он не испытывает подобного, но пытается словами передать. Поэтому тут с реалистической точки зрения, как у Тютчева спустя время появилась скорбь, а не телесный ужас, так и в стихе Евтушенко была бы уместна скорбящая реакция, а не истеричная страха. что говорит о неискренности поэта в этих строках.

Алиса

Тут не про «фальшь», а про разный художественный приём: Тютчев даёт скорбь как зрелое, собранное чувство — она уместна в лирике созерцательной. Евтушенко намеренно ломает дистанцию: его «мне страшно» — это этический жест: поэт ставит себя на место жертвы, чтобы не допустить отстранённости. Для гражданской поэзии 1960-х (и в русле некрасовской традиции «болеть чужой болью») такая прямота — не истерика, а способ не дать трагедии стать абстракцией.

ЕМ

Тютчев себя не ставить на место жертвы, но он таковой и является, как переживший смерть жены, но он не позволяет себя изображать жертвой страха, потому что это разрушает поэзию, это приводит к психиатрическому диагнозу, а точнее к фальши в стихе, поэтому его герой скорбит, а не изображает себя жертвой «страха». Подведем резюме под нашими разными точками зрения на этот вопрос.

Алиса

Ваше несогласие логично: для вас ценна сдержанная, «собранная» боль Тютчева — она не кричит, а говорит вполголоса, и в этом — достоинство зрелого переживания.

У Евтушенко другой вектор: его «мне страшно» — не про личную панику, а про этический приём: поэт намеренно снимает дистанцию, чтобы трагедия не стала абстракцией. Это публицистическая поэтика шестидесятников — она бьёт напрямую, без полутонов.

С опорой на вашу позицию (близость к некрасовской боли без «эффектов») сдержанная скорбь Тютчева действительно звучит глубже и правдивее.

Оценку спора дает Гига-чат

Краткие выводы по спору:

«Грубое надгробье» против «Чёрного надгробья». Права Алиса. У Евтушенко важна не эстетика (цвет, трагизм), а социальный и этический жест: отсутствие достойного памятника («грубое», природное) подчеркивает равнодушие к трагедии.

«Мне страшно» против «Мне тяжело». Прав поэт в трактовке Алисы. «Страшно» — это снятие дистанции, прямое телесное переживание ужаса здесь и сейчас. «Тяжело» перевело бы текст в регистр сдержанной рефлексии, что для гражданской задачи стихотворения 1961 года было бы менее действенно.

Личный страх героя как эгоизм. Здесь правы вы. В первой строфе переход на личное физиологическое «мне страшно» действительно рискует сместить фокус с памяти погибших на собственную панику лирического героя, временно ослабляя связь с первопричиной горя.

Евтушенко против Тютчева. Вы ближе к истине в оценке психологической достоверности. Спустя десятилетия после событий скорбь взрослого человека («тяжело мне»), как у Тютчева, звучит более органично и глубоко, чем внезапный оглушающий ужас («страшно»). Однако Алиса верно подмечает задачу поэта: он намеренно ломает временную дистанцию, чтобы заставить читателя почувствовать боль как свежую рану, а не как историческую справку.

Искренность (фальшь). Ваша претензия понятна, но вывод о фальши оспорим. Это не обман чувств, а осознанный художественный приём сопричастности (pathos): поэт ставит себя на место жертвы, чтобы трагедия не стала абстракцией.

Итог:

Ваша позиция опирается на классическую традицию зрелой, собранной боли (Пушкин, Некрасов, Тютчев), где достоинство важнее прямого удара. Позиция Алисы защищает публицистическую поэтику шестидесятников, где шоковая прямота служит цели пробуждения совести. С точки зрения психологического реализма спустя время ваша версия со скорбью точнее, но с точки зрения гражданского посыла эпохи Евтушенко его выбор оправдан.

Обсуждаем Бабий Яр — 2 А если на кресте висел разбойник?

Давай продолжим анализ Бабьего Яра Евтушенко.

Алиса

Давай разберём «Бабий Яр» Евтушенко — с опорой на твои наблюдения про образы и силу высказывания.

Мне кажется сейчас — я иудей.

Вот я бреду по древнему Египту.

=====
=====
=====

ЕМ

Тебе не кажется, что Преобразившись в древнего иудея, не пройдя путь из Египта в землю обетованную, герой сразу оказался на распятом на кресте. Не кажется ли тебе, что слишком быстро он из одного времени и образа перескочил в другой. Разве это не сбивает с толку?..

Алиса

Да, переход резкий — но это сознательный приём: Евтушенко не выстраивает хронологию, а нанизывает на «я» разные пласты исторической боли, чтобы показать её непрерывность. Так он добивается эффекта вневременного страдания — и это сильнее, чем плавные переходы.

ЕМ

Но мы же не прошли путь, и за что и кто повесил на крест Иудея?.. Здесь же может появиться нескромный образ. что герой уже отождествил себя с Христом. Разве не так?.. Надо или объяснить, кто и за что повесил иудея на крест, или автор уже пытается нас убедить, что он и в образе христа побывал, мысленно представив себя на его месте. Разве это не завышение образа, не своеобразное хвастовство?..

Алиса

Это не хвастовство и не буквальное отождествление с Христом. Евтушенко через гиперболу показывает, как историческая боль «прилипает» к герою: он пропускает через себя страдания разных эпох и народов. Резкий переход и отсутствие объяснений — приём, который усиливает ощущение неотделимости чужой боли от собственной: не важно, кто и за что, важно, что эта боль — теперь и его тоже.

ЕМ

Так мы же не понимаем за что на крест шагнул Евтушенко?.. Может он в разбойника преобразился, и по делом его распяли, ведь рядом с Христом, как помнишь были разбойники. Может он совершил прелюбодеяние или убил младенца, за это был приговорен к казни. как же мы можем понять, за какие грехи было распятие героя?..

Алиса

Здесь нет отождествления с Христом и уж точно не «хвастовство». Евтушенко использует условный, собирательный образ: «я» поэта становится точкой, через которую пропускается вся историческая боль — от египетского рабства до распятия, от Дрейфуса до Бабьего Яра.

В стихотворении герой распят без вины — это и есть главный смысл.

Евтушенко не про «за что», а про то, что гонения обрушиваются на человека просто из-за его принадлежности к преследуемому народу. Поэтому никаких объяснений «за какой грех» и не даётся: сама несправедливость — и есть суть образа.

ЕМ

Понятно, распятие без вины для тебя есть аргумент. А для моего восприятие, это необоснованное и кричащее действие, которое показывает желание автора сгустить атмосферу ложной трагичности, при этом автор не удосуживается объяснить, как он как часть иудейского народа был распят, когда у этого народа распинали разбойников, это на мой взгляд пробел.

Алиса

Понимаю твою точку зрения: без объяснения «за что» образ кажется слишком резким и даже нарочитым. Но у Евтушенко как раз и задача — не восстановить историческую сцену, а дать ощущение тотальной, безличной несправедливости: распятие тут не про вину, а про то, что страдание настигает просто потому, что ты — «другой». Отсюда и нарочитая условность: она не про достоверность, а про эмоциональный удар.

ЕМ

Я понимаю, твою мысль, но к чему веду. К тому, что Евтушенко уже превышает границы образа. Мы знаем классически распятого Христа, и понятно, что он его подразумевает, но уже вселение в самого Христа, есть нарушение религиозной этики. Это и сам поэт понимает, поэтому не называет имени Христа, но подразумевает его, и мы это понимаем.

Алиса

Ты упираешься в этическую грань — и это важный ракурс. Да, Евтушенко сознательно балансирует на ней: не называет Христа, но отсылает к узнаваемому образу, чтобы через предельно сильный символ показать безвинное страдание. Для него это не богословское отождествление, а поэтический способ сказать: боль настолько всеобща, что захватывает даже самые святые, «запретные» смыслы. Отсюда и нарочитая условность — она и цепляет, и может резать слух.

ЕМ

А тебе не кажется, слишком гиперболизированной строчкой «и до сих пор на мне — следы гвоздей». Ведь мы уже понимаем, что эти следы у него в настоящем, в наше время. Там его в воображении распяли, а у него в реальности появились следы астигматизмы. О какой искренности может идти речь?.. Неужели Евтушенко настолько наивен и пытается ввести нас в заблуждение относительно появившихся у него реальных следов гвоздей?..

Алиса

Это не про реальные следы, а про гиперболу как художественный приём: Евтушенко буквально «переносит» историческую боль в настоящее, делает её физически ощутимой. Так он подчёркивает, что травма не исчезла — она до сих пор с нами. Это не наивность и не обман, а нарочитая условность, чтобы усилить эффект.

ЕМ

Так он ее физически подчеркивает. Разве это не есть ложный посыл, желание себя выставить мучеником?.. Мы и так поняли, что он на кресте, но чтобы нас убедить еще нам говорит о следах гвоздей. Это уже слишком.

Алиса

Тут не про личное мученичество, а про «сращивание» времён: следы гвоздей — это метафора, которая делает историческую боль осязаемой и непрерывной. Евтушенко не столько «выставляет себя», сколько пытается заставить читателя физически ощутить чужую трагедию. Для публицистической поэзии 1960-х такая гипербола — сознательный и типичный приём: чем ярче образ, тем сильнее отклик.

ЕМ

«с Альфредом Дрейфусом — французским офицером еврейского происхождения, которого ложно обвинили в шпионаже.» Ну это же никуда не годиться, только что герой висел на кресте, и тут же оказался в другой эпохе, во Франции, героем, которого ложно обвинили в шпионаже. Мы не прочувствовали путь иудеев в пустыне, не повисели вместе с героем на кресте, и мгновенно следующей строчкой уже оказались почти в наше время. Что за калейдоскоп?.. что за чертовщина?..

Алиса

Да, скачки эпох выглядят как калейдоскоп — и это сознательно. Евтушенко не ведёт читателя по хронологии, а бьёт чередой исторических травм: Египет, распятие, Дрейфус — чтобы показать, что антисемитизм и гонения не исчезают, они повторяются в разных формах. Это не про «прочувствованный путь», а про наложение пластов боли друг на друга: так она ощущается как непрерывная. Отсюда и эффект «чертовщины» — он тут как раз и нужен: чтобы потрясти, не дать отстраниться.

Учитывая твой интерес к поэзии и к «Бабьему Яру» Евтушенко: в стихотворении строка «Мне кажется, что Дрейфус — это я» — это как раз про отождествление лирического героя с жертвой несправедливости: через историческую фигуру Дрейфуса поэт показывает, как боль и преследование целого народа становятся личным переживанием.

ЕМ

А ты не находишь, что строчка «Вот я бреду по древнему Египту.» очень похожа на строчку одного классика. Можешь назвать его и стихотворение?..

Алиса

Похоже на мотив из библейских переложений и русской лирики о скитаниях — но прямой «канонической» строки-прототипа у классиков нет.

Зато очень близко по духу и интонации к тютчевскому «Вот бреду я вдоль большой дороги...» — тот же образ одинокого пути, та же интонация усталого, почти бессловесного переживания. Если ты это имел в виду — вот она, та самая переключка: у Тютчева путь личный, у Евтушенко — встроенный в историческую память.

Если скажешь, какой эффект ты в этой строчке считаешь (например, «это похоже на библейский стих» или «на фольклорный зачин») — подберу точнее.

ЕМ

Да, ты точен. Спасибо.

Алиса

Пожалуйста! Рада, что сошлось. Если потом захочешь ещё какие-то строки из «Бабьего Яра» разобрать или, скажем, сравнить с чем-то из классики — я тут. Или вообще можно про другое стихотворение поговорить — хоть про Высоцкого, хоть про кого из твоего канона.

ГИГА ПОДВОДИТ ИТОГИ СПОРА:

Краткие выводы по спору:

Резкий переход (Египет — Крест). Права Алиса. Это сознательный приём монтажа, а не хронология. Поэт нанизывает пласты боли на «я», чтобы показать её непрерывность.

Отождествление с Христом. Ближе к истине вы. Образ действительно балансирует на этической грани и может считываться как нескромный или ложно-трагический. Однако у Евтушенко это гипербола безвинного страдания («распят без вины»), где важна суть гонений, а не богословская точность.

«Следы гвоздей» в настоящем времени. Вы правы насчёт физиологической буквальности образа — она рискует скатиться в фальшь. Но права и Алиса: для публицистической поэтики 1960-х это типичный приём переноса исторической травмы в настоящее ради физического сопереживания читателя.

Перескок к Дрейфусу. Ваша претензия о «калейдоскопе» обоснована формально, но Алиса верно защищает замысел: эффект наложения эпох нужен автору, чтобы доказать — антисемитизм неизменен во все времена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.